

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ.

№ 28.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭРНСТА БАРФКНЕХТА И К^о

1858.

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Н. УСТЯЛОВА.

Статья вторая (Т. II и III.)

Первую главу второго тома г. Устряловъ посвящаетъ рѣшенію любопытнаго вопроса о значеніи Лесорта въ отношеніи къ Петру. «Съ именемъ Петра, говоритъ г. Устряловъ, потомство привыкло вспоминать Лесорта. И жаркіе приверженцы, и строгіе судьи неумолимаго преобразователя старинныхъ нравовъ и обычаевъ нашихъ, равно утверждаютъ, что Лесортъ пробудилъ въ молодомъ царѣ, получившемъ самое ограниченное воспитаніе, любовь ко всему великому, прекрасному и полезному, какъ говорятъ одни, или страсть ко всему новому, чужеземному, какъ говорятъ другіе.» Г. Устряловъ старается опровергнуть это мнѣніе, и высказываетъ положеніе: «Все, что разсказываютъ позднѣйшіе историки о началѣ привязанности Петра къ Лесорту, задолго до паденія Софіи, опровергается актами несомнительными.» Но здѣсь должно различать два вопроса: одинъ первой важности: имѣлъ ли Лесортъ сильное вліяніе на Петра, имѣлъ ли онъ большую долю участія въ томъ, что молодой царь сталъ въ челъ движенію къ новому и всѣми своими средствами ускорилъ это движеніе? Второй вопросъ уже гораздо меньшей важности: когда Лесортъ сблизился съ Петромъ? Прежде всего нужно отвѣчать Карамзину, который говоритъ: «Сей государь (Петръ), худо воспитанный, окруженный людьми молодыми, узналъ и полюбилъ Женевца Лесорта, который отъ бѣдности заѣхалъ въ Москву и, весьма естественно, находя русскіе обычаи для него странными, говорилъ ему объ нихъ съ презрѣніемъ, а все Европейское возвышалъ до небесъ.»

Карамзинъ слѣдовательно вовсе не касается времени, когда началось вліяніе Леофорта. Но г. Устряловъ прежде всего старается опровергнуть мнѣніе, что Леофортъ былъ учителемъ Петра. Но учительство, какъ извѣстно, не всегда проводникъ вліянія; часто гораздо сильнѣе бываетъ вліяніе чело­вѣка, который является не въ видѣ важнаго учителя, но въ видѣ пріятнаго собесѣдника и друга; Карамзинъ объ учительствѣ не говоритъ ни слова, онъ говоритъ только, что Петръ узналъ и полюбилъ Женевца Леофорта, который не училъ его наукамъ или языкамъ, а разказывалъ о чудесахъ цивилизаціи, противопоставляя бѣдность Россіи въ этомъ отношеніи. Поборовши мнѣніе объ учительствѣ Леофорта, мнѣніе, много много заслуживавшее нѣсколькихъ строкъ въ примѣчаніяхъ, г. Устряловъ обращается къ вопросу, когда сблизился Петръ съ Леофортомъ? и говоритъ: «Первый, главный вопросъ (о времени сближенія) разрѣшается сказаніемъ современника безпристрастнаго и пытливаго, имѣвшаго всѣ средства собрать въ Москвѣ свѣжія преданія, видѣвшаго Леофорта на высшей степени почестей, видѣвшаго и погребеніе его, секретаря цесарскаго посольства Корба. Съ нимъ согласны и другіе современные писатели, въ главномъ фактѣ, ошибаясь только въ лѣтосчисленіи и подробностяхъ событій, которыя они перемѣшали. Корбъ свидѣтельству­етъ, что по открытіи ужасныхъ замысловъ царевны Софіи, поднявшей преступную руку на державнаго брата, когда Петръ удалился въ Троицкій монастырь и не безъ трепета могъ видѣть около себя немногихъ приверженцевъ, среди общаго колебанія и недоумѣнія двора, войска, народа, Леофортъ одинъ изъ первыхъ отсталъ отъ царевны и явился въ Лавру, готовый пожертвовать жизнію за царя. Легко вообразить, съ какою признательностію встрѣтилъ его Петръ, умѣвшій цѣнить и не такіе заслуги.» Дѣйствительно Корбъ выставляетъ приходъ Леофорта къ Троицѣ, какъ дѣло, съ котораго начинается его счастье, за которое Петръ полюбилъ его, дѣло, которымъ онъ заслужилъ любовь царя и свое счастье, въ чемъ должны согласиться и самые завистники Леофорта. Но могъ ли Корбъ иначе и смотрѣть на дѣло? Приходъ Леофорта къ Троицѣ въ глазахъ самого Петра и въ глазахъ всѣхъ другихъ, даже завистниковъ Леофорта, служилъ самымъ лучшимъ оправданіемъ того значенія, какое имѣлъ онъ

при Петрѣ; каждому новоприбывшему иностранцу на вопросъ: за что такія милости Лефорту, какія были его заслуги?—отвѣчали указаніемъ на приходъ Лефорта къ Троицѣ; отсюда и у другихъ иностранцевъ смѣшеніе извѣстій объ этой заслугѣ Лефорта съ извѣстіемъ о его прежнемъ знакомствѣ съ Петромъ, начинающаго съ 12-лѣтняго возраста. Развѣ Корбъ писалъ исторію Петра? Корбъ былъ секретарь цесарскаго посольства, пріѣхавшій въ Москву въ 1698 году, и ведшій дневникъ своего пребыванія здѣсь; онъ безпристрастно описывалъ событія, бывшія въ его время, передъ его глазами, довольствуясь ближайшими объясненіями явленій изъ прошедшаго, вовсе не пропикая въ глубь этого прошедшаго. Генералъ Гордонъ также не могъ ничего сказать о раннихъ отношеніяхъ Лефорта къ Петру опять по характеру своего дневника, Гордонъ не говоритъ ничего и о приходѣ Лефорта къ Троицѣ. Гордонъ упоминаетъ только въ своемъ дневникѣ, что 15 сентября 1688 года у Лефорта обѣдалъ князь Б. А. Голицынъ, человекъ самый близкій къ Петру, главный участникъ, если не виновникъ Троицкаго событія. Г. Устряловъ говоритъ, что это извѣстіе не имѣетъ большаго вѣса, ибо Голицынъ бывалъ и у Гордона, который однако не былъ близокъ къ Петру до сентября 1689 года; но г. Устряловъ не обратилъ здѣсь вниманія на одно важное обстоятельство, на разницу между значеніемъ Гордона и значеніемъ Лефорта въ 1688 году. Г. Устряловъ замѣчаетъ, что еслибъ Лефортъ уже во время владычества Софіи пользовался такою довѣренностію Петра, то трудно понять, какъ она не обратила на него вниманіе, зная хорошо все, что дѣлалось въ Преображенскомъ. — Но если кто-нибудь, смотрящій съ точки зрѣнія г. Устрялова, то-есть не видящій въ Лефортѣ ничего кромѣ развлекателя, скажетъ, что Софья незначѣмъ было враждебно относиться къ Лефорту, что она была очень довольна тѣмъ, что подлѣ ея опаснаго брата находился такой развлекатель, — то что отвѣчать ему? Наконецъ, самое появленіе Лефорта у Троицы прежде другихъ не доказываетъ ли лучше всего его прежнія, близкія отношенія къ Петру?

Но мы уже сказали, что для насъ вопросъ о времени, когда Петръ сблизился съ Лефортомъ, не имѣетъ вовсе большой важности; главный вопросъ въ степени и качествѣ вліянія Лефорта

на Петра, когда бы они ни сблизились. Мы вовсе не думаемъ, чтобъ Лефортъ вдохнулъ любознательность въ Петра; но кромѣ этого вдохновенія остается еще много кой-чего, въ чемъ могло обнаружиться вліяніе Лефорта. Г. Устряловъ опредѣляетъ такъ отношенія Лефорта къ Петру: «Петръ полюбилъ его за беззаботную веселость, столь плѣнительную послѣ тяжкихъ трудовъ, за природную остроту ума, доброе сердце, ловкость, смѣлость, а болѣе всего за откровенную правдивость и рѣдкое въ то время безкорыстіе, добродѣтели великія въ глазахъ монарха, ненавидѣвшаго криводушіе и себялюбіе. Долго помнилъ онъ Лефорта и по смерти его, тоскуя по немъ, какъ по веселомъ товарищѣ пріятельскихъ бесѣдъ, незамѣнимомъ въ искусствѣ устроить пиръ на славу.» И только! Стало-быть нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ о болѣе сильномъ вліяніи Лефорта на Петра, на его поступки. Развѣ нѣтъ извѣстій, что Лефортъ поощрилъ Петра къ предпріятію похода подъ Азовъ, былъ виновникомъ посольства, съ которымъ царь ѣздилъ за границу, что по его внушенію царь позволилъ иностранцамъ свободный въѣздъ и выѣздъ? И у кого же находятся подобныя извѣстія? У какого-нибудь баснописца Крекшина, которому *ни съ чѣмъ* не хочется вѣрить г. Устряловъ? Нѣтъ, у «современника безпристрастнаго и пытливаго, имѣвшаго всѣ средства собрать въ Москвѣ свѣжія преданія» по словамъ самого г. Устрялова, именно у Корба. Г. Устряловъ объ этомъ свидѣтельствѣ умалчиваетъ. Г. Устряловъ старается показать, что Лефортъ не былъ способенъ имѣть вліяніе на молодого Петра, который и 17-ти лѣтъ былъ Петромъ Великимъ, что Лефортъ былъ только веселый собесѣдникъ: однако этого веселаго собесѣдника Петръ назначилъ однимъ изъ трехъ главныхъ вождей въ походѣ подъ Азовъ? Описывая смерть Лефорта, г. Устряловъ говоритъ: «Пишутъ современники, что царь горько заплакалъ, узнавъ о кончинѣ Лефорта, и въ сокрушеніи сердца воскликнулъ: «Друга моего не стало! Онъ одинъ былъ мнѣ вѣренъ. На кого теперь могу положиться?» «Нѣтъ сомнѣнія (продолжаетъ г. Устряловъ), что Петръ, искренно любившій Лефорта за его прекрасное сердце, за беззаботную веселость и смѣлую правдивость, огорченъ былъ глубоко: увидимъ въ послѣдствіи, что онъ долго и неутѣшно будетъ тосковать и не при такихъ потеряхъ; но при-

писываемыя ему слова едва ли справедливы. Трудно повѣрить, чтобъ онъ такъ жестко отозвался о своихъ боярахъ, въ числѣ которыхъ находились князь Михайло Алегуковичъ Черкасскій, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, Тихонъ Никитичъ Стрешневъ, доказавшіе ему, еще отроку, безграничную преданность, съ опасностію потерять свои головы на плахѣ, во время владычества Софіи, когда Лефортъ ласкался къ ея наперснику.» — Но дѣло въ томъ, что отъ младенчества Петра до смерти Лефорта прошло много времени, много событій важныхъ; Петръ сдѣлался уже существомъ историческимъ, съ его особой тѣсно связано было уже теперь извѣстное начало, извѣстное направленіе. Вѣрности къ одной своей особѣ было мало для Петра: «на кого теперь могу положить», говоритъ Петръ, и этимъ выраженіемъ объясняетъ предшествующее: «онъ одинъ былъ мнѣ вѣренъ», то-есть онъ одинъ понималъ меня вполне, одинъ сочувствовалъ мнѣ вполне. Не о вѣрномъ слугѣ сожалѣлъ Петръ, но о вѣрномъ другѣ: здѣсь разница громадная! Читатели конечно замѣтили, что г. Устряловъ въ своемъ повѣствованіи старается представить намъ не великаго человѣка, а статую великаго человѣка, отлитую по извѣстнымъ понятіямъ о величіи; оттого у него Петръ, въ минуту страшной горести о потерѣ человѣка, съ которымъ однимъ онъ могъ *отводить душу*, не долженъ употребить выраженія, могшаго оскорбить извѣстныя лица. — Замѣтимъ также слова г. Устрялова о Лефортѣ, ласкающемся къ наперснику Софіи. Здѣсь г. Устряловъ основывается на томъ, что Лефортъ *чрезъ Женевскій сенатъ* выхлопоталъ себѣ чинъ у Голицына.

«Обрядъ погребенія, говоритъ г. Устряловъ, совершился съ такими почестями, какихъ не удостоивался никто изъ знатнѣйшихъ бояръ, не говоря уже о служилыхъ иноземцахъ; но вышею почестью усопшему были царскія слезы. Предъ выносомъ тѣла, государь приказалъ открыть гробъ и въ присутствіи всего двора, громко рыдая, долго лобызалъ холодный трупъ.» Мы ждали, что г. Устряловъ отвергнетъ это извѣстіе, скажетъ: трудно повѣрить, чтобъ Петръ такими почестями и слезами захотѣлъ оскорбить вѣрныхъ бояръ своихъ, изъ которыхъ никто ничего подобнаго не удостоивался.

«Въ реформатской церкви, продолжаетъ г. Устряловъ, въ присутствіи царя и всѣхъ вельможъ, пасторъ Стумпфіусъ сказалъ надгробное слово. Слышавшій это слово, секретарь цесарскаго посольства Корбъ замѣтилъ, что проповѣдникъ строго осуждалъ усрпшаго за порочныя наклонности. Замѣчаніе его несправедливо: Стумпфіусъ, въ видѣ общаго поученія, убѣждалъ слушателей всегда храпить чистоту души и не осквернять ее грѣховнымъ смрадомъ; о Лефортѣ же отзывался съ любовью и искреннимъ сожалѣніемъ.»

Не понимаемъ, на какомъ основаніи г. Устряловъ предполагаетъ, что сказанное у Корба относится къ надгробному слову пастора? Вотъ слова Корба: «Исповѣдуя реформатскую религію, (Лефортъ) не могъ скрывать ненависти своей къ православному (кажется, подѣ Orthodoхos Корбъ разумѣетъ своихъ католиковъ); къ собственной жепѣ былъ онъ такъ жестокъ, что только великое безпристрастіе царя, безпристрастіе, котораго нельзя достойно восхвалять, полагало предѣлъ этой жестокости. Реформатскій пасторъ Стумпфіусъ публично съ кафедръ нападалъ на его страсти (*in ejusdem cupiditates publice ex cathedra invecus est*). Впрочемъ Лефортъ, привлекая къ себѣ царя вѣрностью, равныхъ услужливостью, всѣхъ ласковостью, умѣренію пользовался своимъ могуществомъ.» — Кажется ясно, что пасторъ нападалъ на Лефорта при жизни его; если же, вопреки приличію и не опасаясь нанести горестному царю самаго чувствительнаго оскорбленія, Стумпфіусъ и рѣшился порицать Лефорта въ надгробномъ словѣ, то кто поручится, что эти порицанія не выпущены изъ рукописи, которою пользовался г. Устряловъ? Наконецъ, если пасторъ ни за что не порицалъ Лефорта въ надгробномъ словѣ, и Корбъ именно разумѣетъ надгробное слово, то этотъ Корбъ дерзкій лжеецъ, которому ни въ чемъ вѣрить нельзя: какъ же г. Устряловъ называетъ его современникомъ безпристрастнымъ и пытливымъ, имѣвшимъ всѣ средства собрать въ Москвѣ свѣжія преданія?

Мы уже имѣли случай замѣтить, что г. Устряловъ слѣдователь не безпристрастный относительно князя В. В. Голицына. При описаніи событій, окончившихъ правленіе Софьи, авторъ также старается обвинить Голицына всѣми винами: «Произведенный въ послѣдствіи розыскъ, говоритъ онъ, не обнаружилъ

соучастія Голицына въ посягательствѣ Софіи на царскую корону, не потому, чтобъ не нашлось ясныхъ противъ него уликъ, а потому, что главными слѣдователями его преступленій были близкіе родственники, которые, какъ свидѣтельствуесть Гордонъ, всѣми силами старались спасти его отъ позорной казни, чтобъ не обезчестить своего рода. Софія ввѣряла ему самыя сокровенныя тайны своей души, въ присутствіи его не разъ подстрекала стрѣльцовъ къ бунту, и въ розыскомъ дѣлѣ много есть указаній, оставленныхъ безъ изслѣдованія, что онъ не чуждъ былъ ея замысла.» Читатель, конечно, имѣетъ полное право требовать, чтобъ историкъ указалъ на эти *многія указанія*; но ихъ нѣтъ. Шакловитый, изъ страха передъ второю пыткой, объявилъ все, и между прочимъ, что Голицынъ *не* совѣтовалъ царевнѣ вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ: князь былъ въ то время въ походѣ и, узнавъ объ ея намѣреніи, писалъ съ великимъ страхомъ о такомъ необыкновенномъ дѣлѣ. Сообщники Шакловитаго показывали, что когда послѣдній требовалъ вѣнчать царевну и стрѣльцы обнаруживали опасенія насчетъ согласія патріарха и бояръ, то Шакловитый говорилъ: «А о боярахъ не беспокойтесь: всѣ они отпадшее, заброе дерево. Развѣ постоятъ до поры до времени одинъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ.» Въ показаніи Шакловитаго была статья, по которой не миновать было Голицыну смертной казни, именно выходка противъ царицы Натальи, но родственники, какъ говоритъ Гордонъ, то-есть князь Борисъ Алексѣевичъ, хлопотали о смягченіи наказанія. Самъ Голицынъ отвергалъ всѣ обвиненія «не взирая на многія очевидныя улики, даже самихъ царей, которые свидѣтельствовали, что никогда они не указывали писать сестру свою самодержицею.» Многихъ очевидныхъ уликъ мы не знаемъ, что же касается до свидѣтельства царей, то Голицынъ былъ обвиненъ и сосланъ за то, что осмѣлился писать царевну самодержицею, хотя и оправдывался тѣмъ, что имя царевны упоминалось во всѣхъ докладахъ, которые слушали государи, и указа объ исключеніи его изъ титула отъ нихъ не было. Но, разумѣется, это явная увертка, на которую нельзя обращать вниманія. Приверженецъ падшей стороны, незаконнымъ способомъ присвоившей себѣ власть, Голицынъ не могъ ждать себѣ пощады, хотя и сдерживалъ свою сторону въ из-

вѣстныхъ стремленійхъ, хотя и мечталъ о возможности согласить притязанія Софьи съ правами Петра. Петръ былъ малолѣтенъ, управлять государствомъ не могъ; онъ и послѣ паденія Софьи, по словамъ г. Устрялова, пять лѣтъ, по малоопытности своей, не занимался государственными дѣлами; нужно было регентство, правительницей должна была быть его мать, но падчерица отстранила мачиху, подставивши старшаго неспособнаго брата отъ одной съ нею матери: такъ какъ у Іоанна не было матери, то правительство приняла сестра, слѣдовательно вся борьба шла между двумя правительницами, между мачихой и падчерицей, цари были въ сторонѣ; по мнѣнію людей, приверженныхъ къ Софѣ, считавшихъ ее правительницей если не законною, то болѣе способною, главнымъ препятствіемъ къ спокойствію, къ миру между братомъ, не могшимъ еще управлять, и сестрою способною къ правленію, были притязанія царицы Натальи, отчего и выходки противъ нея Голицына. Трудность рѣшенія вопроса о законности условливалась — отсутствіемъ закона и о престолонаслѣдіи, и о регентствѣ. Историкъ XIX вѣка не станетъ оправдывать *во всемъ* Голицына, но зачѣмъ же и обвинять его *во всемъ*? зачѣмъ становиться на сторонѣ личныхъ враговъ Голицына и требовать розыска? Историкъ долженъ радоваться, что ему приходится описывать одною пыткой, одною казнію меньше въ этой эпохѣ пытокъ и казней; чтбъ сталъ дѣлать историкъ, еслибы Голицынъ, мѣтѣ стрѣльцовъ способный выносить кнутъ и встряску, насаждалъ на себя съ пытки невѣдомо какія преступленія? Историкъ царствованія Петра долженъ помнить, что Искра и Кочубей съ пытки показали, что они взвели все на Мазепу ложно, по злобѣ, и были казнены какъ клеветники.

Началось настоящее царствованіе Петра; говоря о первыхъ сотрудникахъ молодого царя, г. Устряловъ обращается къ иностранцамъ: «При явной, всѣмъ извѣстной привязанности Петра къ Тиммерману, Карштенъ-Бранту и другимъ Голландцамъ, съ которыми онъ трудился какъ простой плотникъ на Переславскомъ озерѣ, жившіе въ Россіи иноземцы безъ сомнѣнія радостно услышали о принятіи имъ кормила правленія, ожидая себя золотого вѣка подъ державою царя, такъ страстно полюбившаго иноземное искусство, и можно вообразить себѣ ихъ

ужась, когда въ первые дни царствованія Петра, одинъ изъ обывателей Слободы былъ сожженъ живой въ Москвѣ на Болотѣ; въ слѣдъ за тѣмъ обнародованъ строжайшій указъ не впускать въ Россію ни одного иностранца безъ особаго царскаго повелѣнія; а спустя нѣсколько времени, распространился слухъ о намѣреніи правительства сломать всѣ кирхи въ Слободѣ, какъ нечестивыя капища. Въ самомъ дѣлѣ на иноземцевъ, жившихъ въ Россіи, поднялась сильная гроза, которую могла отвести только могучая воля Петрова.»

По нашему мнѣнію, сильной грозы тутъ не было, и могучей волѣ Петра отводить было нечего. Г. Устряловъ говоритъ: «Можно вообразить себѣ ихъ (Нѣмцевъ) ужась, когда одинъ изъ обывателей Слободы былъ сожженъ живой.» Дѣйствительно извѣстный мистикъ Квиринъ Кульманъ былъ сожженъ живой, но ужаса обывателей Нѣмецкой слободы мы при этомъ вообразить себѣ не можемъ, потому что если бы московское правительство не вмѣшалось въ дѣло, то Нѣмцы точно такъ же бы сожгли Кульмана живаго у себя въ Слободѣ, какъ въ разныхъ мѣстахъ Европы жгли людей, которымъ послѣдовалъ Кульманъ; двое пасторовъ Нѣмецкой слободы объявили Кульмана достойнымъ казни. Указъ о непусканіи иностранцевъ въ Россію безъ особеннаго изслѣдованія и безъ царскаго повелѣнія не могъ также навести страха на Слободскихъ Нѣмцевъ, ибо имъ вовсе не нужно было имѣть среди себя новыхъ Кульмановъ. Слухъ о намѣреніи правительства сломать всѣ кирхи въ Слободѣ былъ или нѣтъ — мы не знаемъ, ибо не знаемъ, по какому побужденію освѣдомлялось правительство, когда и съ чьего разрѣшенія онѣ построены? Люторамъ и Кальвинамъ бояться было нечего, они продолжали пользоваться особеннымъ покровительствомъ въ сравненіи съ католиками. Странно, что г. Устряловъ, упоминая довольно подробно о дѣлѣ Кульмана, не касавшемся нисколько тогдашняго русскаго общества и очень мало общества Нѣмецкой слободы, ни слова не упоминаетъ объ изгнаніи іезуитовъ! Патріархъ билъ челомъ и просилъ у Великихъ Государей со всѣмъ освященнымъ соборомъ, что «они Езуиты живутъ на Москвѣ многое время безъ дѣла, а прежде сего изстари при предкахъ ихъ государскихъ римскіе Езуиты въ Московскомъ государствѣ никогда не бывали и не живали; а нынѣ живучи они

Езуиты на Москвѣ, чинятъ многую святой Церкви и догматамъ ея противность, печатными письмами и образами на полотнахъ и на роговой кости, также иными прелестями, а у святой восточной Церкви съ западнымъ Римскимъ кастѣломъ многія несходства, и чтобъ они, Великіе Государи, больше сего имъ Езувитамъ за такими вышеупомянутыми препятствіями въ Московскомъ государствѣ жить не позволили. И Великіе Государи указали: Езуитовъ съ Москвы отпустить милостиво, и дать имъ жалованье и подводы до Литовскаго рубежа. — Съ іезуитами въ тѣсной связи находится дѣло дьякона Новомѣщанской слободы Петра Артемьева, о которомъ у г. Устрялова также нѣ слова, хотя оно гораздо важнѣе Кульмановскаго. На Петра Артемьева было донесено, что онъ послѣ Евангелія читалъ поученіе, въ которомъ похвалялъ въ вѣтрѣ Поляки, Лахи (!), Ляву; носитъ на себѣ вмѣсто креста мошонку, а въ ней образокъ Латинянина Антонія Падвіянина (Падуанскаго) еретика суща, глаголетъ исхождение Духа Святаго отъ Отца и Сына, исповѣдовался и приобщался у іезуитовъ, а съ иными іезуитами, изъ Москвы изгнанными, зело слезно разлучился. Дѣйствительно найдено, что Артемьевъ обратился въ католицизмъ; изъ переписки его оказывается, что это былъ человѣкъ нервный, восторженный, склонный къ мистицизму; по его натурѣ приходились какъ нельзя лучше сочиненія нѣкоторыхъ западныхъ религіозныхъ писателей. Любопытно видѣть, какъ хитро въ то время католики забрасывали свои сѣти на православныхъ; Петръ Артемьевъ такъ разказываетъ о своемъ отступничествѣ: онъ спрашивалъ у Латинянъ: «Повѣждь ми, лучше ли чѣмъ Римская церковь ваша надъ Греческую?» отвѣща: «Римская и Греческая церковь едина есть и никакая надъ кую лучшествуетъ, токмо развѣ у насъ люди ученѣйшіе, чесому и азъ (Петръ) рекохъ аминь.» — «Идохъ къ причастію (продолжаетъ Петръ), по причащеніи же вопросы мя духовникъ, въ кінхъ де ты потребахъ недостаточествуешь, азъ де казначей монастырскій, и могу тебѣ чтѣ даровати: отрекохся, да не ради дара будетъ мое съ ними соединеніе.» Петръ Артемьевъ оскорблялся гоненіемъ на раскольниковъ: «Въ Константиновѣ (въ Константиновскомъ застѣнкѣ, гдѣ производились пытки) при дыбѣ предстоятъ учителя нѣмые: вмѣсто Евангелія огнемъ и вмѣсто Апо-